

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

1.

Стр.

5. Фельдмаршалъ князь Ф. В. Сакенъ. Его біографія и памятные записки.
42. Отъ Дуная до Царьграда. Воспоминанія В. В. Воейкова.
79. Изъ жизни каторжницъ въ Восточной Сибири. Воспоминанія И. В. Ефимова.
108. Изъ писемъ Н. С. Соханской (Кохановской) къ М. В. Вальховской. (1876—1884).
141. Историко-критическія замѣтки. Д. И. Иловѣйскаго.
148. Стихи П. А. Вяземскаго къ князю А. М. Горчакову.
149. Пушкинъ на Бердахъ. 1833. Н. П. Иванова.
159. О книгѣ В. П. Горленка: „Украинскія были“. Ю. В.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1900.

А. С. ПУШКИНЪ НА БЕРДАХЪ ¹⁾.

.....Мнѣ Царь Пугачева писать поручилъ⁴.
Н. А. Некрасовъ.

Императоръ Николай I-й, узнавъ, что Пушкинъ собираетъ матеріалы о Пугачевскомъ бунтѣ, однажды сказалъ ему: «Я не знаю, что ты собираешься писать исторію Пугачева; а то бы показалъ тебѣ его сестрицу, что двѣ недели какъ умерла въ крѣпости», и затѣмъ милостиво разрѣшилъ ему доступъ въ государственные архивы. По окончаніи исторіи Пугачевского бунта, Пушкинъ получилъ для изданія своего труда изъ государственнаго казначейства 20 т. рублей ²⁾.

Имѣя свободный доступъ въ государственные архивы, А. С. Пушкинъ, на сколько представлялось возможнымъ, исчерпалъ архивные матеріалы и пожелалъ лично ознакомиться съ мѣстами дѣйствія составляемой имъ *исторіи*, для чего отправился въ мѣстности, нѣкогда охваченныя пожаромъ мятежа, посѣтилъ Казань, Симбирскъ, имѣніе поэта П. М. Языкова; 14 Сент. 1833 выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ 3-й станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. Только 18-го Сентября онъ прибылъ, наконецъ, въ Оренбургъ.

Представившись военному губернатору, генералъ-адъютанту В. А. Перовскому, незадолго до того назначенному на эту должность, и передавъ ему о цѣли своей поѣздки, Пушкинъ былъ обласканъ началь-

¹⁾ Настоящая статья была прочитана авторомъ, въ некоторомъ сокращеніи, на торжественномъ публичномъ засѣданіи Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, посвященномъ чествованію памяти Пушкина, 26 Мая 1899 г., въ залѣ Оренбургскаго Общественнаго Собранія.

²⁾ Матеріалами для этой статьи служили „Исторія Пугачевского бунта“ А. С. Пушкина, „Капитанская дочка“—его же, „Топографія Оренбурга“—Рычкова, „Исторія Оренбургская“—его же, Воспоминанія В. И. Дала и Кайдапова, „Энциклопедическій словарь“ Эфрона и Брокгауза, „Русская Старина“ за 1880 и 1886 г.г., дѣла Оренбург. Ученой Архивной Комиссіи и архива Оренбург. Духовной Консисторіи, газета „Свѣтъ“ № 144/99 г. и рассказы старожиловъ, помнящихъ поѣздки А. С. Пушкина въ 1833 году по Оренбургскому краю.

никомъ края, который любезно предложилъ ему остановиться у него на квартирѣ *).

Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ былъ тогда извѣстный Русскій писатель, докторъ медицины и хирургіи, Влад. Иван. Даль (казакъ Луганскій) получившій извѣстность, какъ лите-раторъ, издавшемъ своихъ «Сказокъ», какъ врачъ—статьей въ защиту гомеопатіи и, какъ натуралистъ — переводомъ «Естественной исторіи Оренбургскаго края», Эверсмана. Съ Далемъ Пушкинъ и совершилъ объѣздъ Оренбургской линіи крѣпостей, при чемъ знавшій мѣстный край спутникъ его служилъ для него живымъ лексикономъ.

Разыскивая здѣсь и тамъ преданія и живыхъ свидѣтелей кровавой эпохи, которую народъ такъ выразительно прозвалъ *Пугачевщиною*, Пушкинъ слушалъ казачьи пѣсни, сложенные про Емельку Пугача, бесѣдовалъ съ сыномъ казака Дмитрія Пьянова, упомянутого поэтомъ въ «Исторіи Пугачевского бунта», слушалъ полные драматизма рассказы очевидцевъ про кровавыя дѣла Пугачевскихъ шаекъ, и въ головѣ его, кромѣ *исторіи*, создавался *романъ*. «Капитанская дочка», написанная, какъ извѣстно, одновременно съ «Исторіей Пугачевского бунта», является живой страницей, выхваченной изъ жизни бывшихъ Оренбургскихъ линейныхъ крѣпостей, теперешнихъ казачьихъ станицъ.

Бердскій поселокъ, называвшійся раньше *Бердской слободой*, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 году, сначала на р. Яицѣ (Ураль), на мѣстѣ теперешняго Оренбурга, а затѣмъ перенесенъ на р. Сакмару, въ разстояніи 7 верстъ отъ города. Слобода эта, какъ и большинство тогдашнихъ крѣпостей, была обнесена небольшимъ деревяннымъ оплотомъ, со рвомъ и рогатками, и по угламъ имѣла батареи; дворовъ въ слободѣ было 200; жалованныхъ казаковъ 100, остальное населеніе составляли гарнизонъ и «нижняго и пришлаго званія люди». По окрестнымъ высотамъ стояли пикеты и маяки, изъ конной стражи. Въ слободѣ были свой атаманъ и особый старшина. Вблизи этой-то слободы, на лѣтней Сакмарской дорогѣ, Пугачевъ и имѣлъ военный лагерь, во время осады имъ Оренбурга. Отсюда разъѣзды разбойничьихъ шаекъ не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и

*) В. А. Перовскій жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ мурзѣ, полковнику Тимашеву на бывшей Губернской, нынѣ Николаевской (Главной) улицѣ, какъ разъ противъ Благовѣщенской, нынѣ Вознесенской церкви. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ Оренбургскому купцу И. В. Ладыгину. На стѣнѣ этого дома, по инициативѣ пишущаго эти строки и по постановленію Оренб. Ученой Архивной Комиссіи, въ скоромъ времени будетъ вывѣшена мраморная доска съ надписью о пребываніи въ немъ А. С. Пушкина. Доска эта заказана уже на одномъ изъ мраморныхъ заводовъ въ г. Перми.

держатъ гарнизонъ въ постоянномъ опасеніи. Изъ-подъ Бердъ Пугачевъ съ войскомъ и орудіями неоднократно отлучался для взятія и разоренія линейныхъ крѣпостей. Во время такихъ отлучекъ, его поочередно замѣняли Чика, Хлопуша и Бѣлобородовъ. Возвращался Пугачевъ въ лагерь, обыкновенно везя массу награбленнаго добра и ведя полоненныхъ казачьихъ красавиць....

Въ выжженной, по приказанію Оренбургскаго губернатора, генераль-поручика Рейнсдорпа, казачьей слободѣ (нынѣ Оренбургская станція или форштадтъ—предмѣстье города), въ уцѣлѣвшей отъ огня церкви Св. Георгія, разбойники ободрали и осквернили св. иконы, разломали престоль, раскладывали на полу костеръ и грѣлись около него, пзрыгая полныя кощунства ругательства.... На наперти была поставлена пушка, на колокольнѣ—другая. Страшная пальба, какъ отсюда, такъ и съ крѣпостныхъ городскихъ стѣнъ, не умолкала. вмѣсто пуль и картечи Пугачевцы, въ концѣ-концовъ, употребляли мѣдныя гривны. Всѣ усилія злодѣевъ однако были напрасны: городъ стойко выдерживалъ осаду. Между тѣмъ, наступали заморозки, и Пугачевъ съ своею буйной ватагой перекочевалъ изъ лагеря въ самыя Берды, ставшія вертепомъ убійствъ, разгула и самаго необузданнаго распутства. Въ Бердскую слободу было приведено множество молодыхъ офицерскихъ жещъ и дочерей, отданныхъ Пугачевымъ на поруганіе разбойникамъ, которые, патѣшившись, предавали своихъ несчастныхъ жертвъ смерти, со страшными надъ ними надругательствами.... Казни происходили каждый день. Овраги около Бердъ были завалены трупами растрѣянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Трупы, разлагаясь, издавали зловоніе, а надъ ними съ крикомъ поселились вороны и другія хищныя птицы.... Шайки разбойниковъ устремлялись во все стороны, пѣнствуя по селеніямъ, грабя казну и безчестя женщинъ. Кругомъ слышалась выстрѣлы, дикое гикаше и крики, что пора-де покориться и идти служить царю-батюшкѣ Петру Ѳеодоровичу.

Пугачевъ съ сообщниками, пародируя, называлъ Татарскую деревню Каргале (Сейтовскій посадъ) Петербургомъ, Сакмарскій городокъ—Кіевомъ, а излюбленную имъ резиденцію Берды—Москвой.

Г. Оренбургъ, какъ извѣстно, стойко выдержалъ шестимѣсячную осаду Пугачевскихъ полчищъ (съ 5 Октябрю 1773 года по 23 Марта 1774 г.) и остался вѣренъ Императрицѣ, за что получилъ отъ Великой Екатерины высочайшую грамоту.

Послѣ Пугачевского нашествія, на Бердахъ осталась тогда 18 пушекъ, 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ на 1700 рублей и множество хлѣба. Печальная память о Пугачевѣ сохранилась и въ видѣ многихъ кургановъ, называемыхъ здѣсь «Пугачевскими сопками». Въ нѣкоторыхъ изъ та-

кихъ кургановъ, а также въ Губерлинскихъ горахъ, до настоящаго времени обрѣтаются клады, состоящія изъ разныхъ вещей и монеть. Много пушекъ, отлитыхъ сподвижниками Пугачева на Уральскихъ заводахъ, находится то здѣсь, то тамъ. Въ Поуральѣ жьвы еще преданія, свидѣтельствующія о страшномъ мятежѣ, какъ полымемъ пожара, охватившемъ все Поволожье и Приуральскій край.

Естественно, что такое богатое событіями прошлое здѣшняго края не могло не привлечь Пушкина ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ.

Природа Бердскихъ окрестностей въ 30-хъ годахъ была живописная: рѣка Сакмара была многоводна и несла свои быстрыя волны въ берегахъ, густо покрытыхъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ водились еще хищные звѣри. Рѣка подходила къ самому поселку. На противоположной лѣсу сторонѣ открывалась другая картина: поемные луга и долины покрывались высокою и сочною травой, зеленѣли огороды, на которыхъ качались отъ вѣтра и тихо скрипѣли «журавли» казачьихъ колодезь. На Бердахъ, какъ и въ другихъ замкнутыхъ крѣпостяхъ-селеніяхъ и ихъ окрестностяхъ, видѣлся еще и въ 30-хъ годахъ вооруженный людъ: солдаты, казаки, караулы, цѣпи, и слышался повелительный голосъ коменданта, команды, трубы, барабаны; даже бабы за водой ходили не иначе, какъ подъ вооруженной охраной.

Сидя на крылечкѣ казачьей избы, Пушкинъ собиралъ здѣсь вокругъ себя казаковъ и казачекъ, слушалъ ихъ пѣсни, смотрѣлъ хорошоды. Чудная панорама природы, лихія казачьи пѣсни, относительная свобода, все это вызывало въ Пушкинѣ веселость: онъ говорилъ экспромты, сыпалъ остроты...

Предъ будущимъ творцомъ «Капитанской дочки» вели свои рассказы престарѣлые казаки и казачки.

Приходилось Пушкину вступать въ такой разговоръ:

— А, ну-ка, дѣдушка, расскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача.

— Для кого Пугачъ, ваша милость, а для меня царь-батюшка, Петръ Федорычъ.

Нѣкоторые казаки, въ особенностн Уральцы, и до сихъ поръ не охотно дѣлятся воспоминаніями прошлаго: они простодушно и наивно вѣрятъ еще, что самый самозванецъ былъ дѣйствительно Русскій царь.

Но обаятельность поэта, ласковое обращеніе и щедрость подкупали даже и стариковъ; онъ всё смѣлѣе и смѣлѣе возстановлялн въ памяти эпизодъ за эпизодомъ мрачнаго прошлаго.

Но съ особенною силою воспоминашя охватили поэта, когда предъ нимъ предстала престарѣлая, но еще бодрая, свидѣтельница дикаго бунта, старуха-казачка, о которой поэтъ писалъ тогда же женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я *une bonne fortune*, нашель 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виновать, и про тебя не подумалъ». Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе.

Тѣмъ пріятнѣе могло быть Пушкину внимать безхитроственному и правдивому повѣствованію добродушной старушки, что въ памяти его возставаля дорогой образъ другой старушки, его «дряхлой голубки», покойной няни Арины Родіоновны, чудныхъ сказокъ которой онъ такъ, бывало, заслушивался въ селѣ Михайловскомъ.

— «И разнесся въ слободѣ нашей слухъ, что изволятъ прибыть царь-батюшка Петра Ѳеодорычъ, дребезжающимъ отъ волненія голосомъ и, пѣмкая, вела свою рѣчь эта старушка. Присказали кульеры, пособрали народъ: такъ, моля, и такъ, приготовьтесь встрѣчать законнаго царя своего, потому какъ онъ жалуетъ всѣхъ васъ крестомъ и бородой, землями и угодыми разными.... Скоро и другой слухъ прошелъ, что песмѣтная рать движется, крѣпость за крѣпостью беретъ, комедантовъ тамошнихъ вѣшаетъ, казну грабитъ, непокорныхъ наказуетъ.... Долго-ль, коротко-ль, услышали мы топотъ конскій, загремѣли пушки; присказали гонцы, все Башкиры больше, да «севрюжники» ¹⁾).

«Покоритесь!» И покорилесь: народъ разодѣлся, какъ на свѣтлый праздникъ, высыпала на улицу; дѣвки да бабы въ два ряда, какъ солдаты, стоять.... Пошъ съ крестомъ выльзъ на паперть, атаманъ казацкій хлѣбъ-соль приуготовиль.... Не заставиль ядять себя и невѣдомый гость: тьма тьмуцаая войска остановилась на Сакмарской дорогѣ, лагерь разбили.... пѣсня пошла, да шумъ; благополучное вступленіе, значить, справляли.... Прибыли скоро и къ намъ; на церкви звонъ колокольный раздася, пошъ съ крестомъ встрѣль *самого-то*, по тотъ въ храмъ не вошелъ, потому какъ изъ *киржаковъ* ²⁾ происхожденіе имѣлъ и обѣнялся большимъ крестомъ. Манифесту тогда прочитали, народъ на колѣни упалъ и билъ земные поклоны. Самъ-отъ прииля «хлѣбъ-соль», обѣщаніе давалъ на вольности разные, нашу слободу матушкой-Москвой величалъ, ряды дѣвокъ обонель, борки, ленты да монисты жаловалъ, иныхъ, что попримлигидій, ласкать всячески изволилъ и деньгами дарилъ.

¹⁾ «Севрюжниками» въ Оренбургѣ называютъ Уральскихъ казаковъ.

²⁾ «Киржаками» Оренбургскіе казаки называютъ раскольниковъ-сектантовъ.

«А колокола всё гудятъ, да гудятъ.... въ храмъ Божиємъ служба идетъ, государя Петра Федорыча съ государыней Катериной Лексѣвной поминуютъ.... честь честью! Опосля пригнали еще двухъ поповъ; тѣ же службу, почитай каждый день, справляли, обѣдно да вечерни. Недолго Пугачъ, али царь-батюшка, какъ его тогда величали, оставался у насъ; выкатилъ онъ для народа бочку съ виномъ, своего енерала приставилъ да ораву приспѣшниковъ, а самъ въ лагерь отбылъ чинить судъ да расправу, да на городъ пріступой идтить собирался. Ни выѣзду, ни выходу по дорогамъ да по оврагамъ; засѣли люди военные...; пальба да разбой.... сколько дѣвокъ, башкирѣ поганое, печальное, у насъ перепортили, да добра разнаго растащили.... Слобода была сущій вертепъ. Изъ крѣпости Оренбургской тогда распоряженіе вышло: слободу казацкую, что форштадтомъ теперь прозывается, сечь. И сожгли, акромья церкви Божьей, да избы одной.... Вѣроги окаянные ворвались и въ форштадтъ, церковь святую осквернили, въ иконы стрѣляли и пзъ пушекъ съ колокольни въ городъ палили; съ крѣпости тоже тогда не плошали ядрами, да картечами злодѣя пугали.... Въ городъ голодъ начался, бѣдѣсти разныя, но не сдался онъ богопротивному челоуѣку и вѣрешъ царицѣ-матушкѣ и прелегъ остался.... Обѣ осени ватага вся буйная съизнова припожаловала къ намъ въ слободу, для ложнаго царя золотыя ⁴⁾ палаты привезли, тронъ смастерили, и возсѣлъ на него чинить судъ да расправу бѣглою казакъ Донской, царемъ прозываясь, въ красную одежду разрядившись и голубой лентой перевязъ сдѣлавши.... По бокамъ у него возсѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. У одного еще поздрн были рваны, да на лбу клеймо.... Кто подходилъ, кланялся въ землю и, крестясь, цѣловалъ рубли Емелькѣ»....

Пушкинъ слушалъ этотъ разсказъ не прерывая и, затѣмъ, много и отъ души хохоталъ при разсказѣ другихъ казаковъ о курьезныхъ эпизодахъ изъ пребыванія на Бердахъ неграмотнаго, но болѣзненно-честолюбиваго раскольника - самозванца. Передадимъ нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ.

Войдя однажды въ Бердскую церковь ⁵⁾ въ зимнемъ Польскомъ

⁴⁾ Известно, что Пугачевъ возилъ съ собой складную латунную избу, которую народъ и принималъ за золотую.

⁵⁾ Церковь на Бердахъ (деревянная), построена въ 1744 г. и освящена въ 1745 г. во имя Рождества Богородицы съ придѣломъ Михаила Архангела. Эта церковь вскорѣ сгорѣла и въ 1753 г. заложена новая, освящена только въ 1756 г.; и эта церковь сгорѣла 10 Ноября 1789 г. отъ поджога. Въ 1793 г. церковь на Бердахъ совсѣмъ упразднена, причтъ приписанъ къ Вознесенской въ городѣ церкви. Снова церковь заложена при епископѣ Феофанѣ и въ 1824 г. освящена. Послѣ того еще нѣсколько разъ горѣла и возобновлялась. Нынѣ церковь на прежнемъ мѣстѣ, каменная, въ честь Казанской Божіей Матери. (Дѣло Оренбургской консисторіи № 83).

кунтушѣ и въ Киргизской шапкѣ, Пугачевъ, не сипмая шапки, прошелъ въ алтарь и, сядя на церковный престолъ, воскликнулъ: «А давно я не сиживалъ на прародительскомъ престолѣ!» Сообщение объ этомъ вызвало смѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ, полунегодуя, полудивляясь, сказалъ: «Ахъ, свпнья, свпнья!» И тутъ же, со словъ разсказчица, онъ записалъ какъ этотъ разсказъ, такъ и примѣты самозванца: лѣтъ 40 отъ роду, роста средняго, смугль и худоцавъ, волосы темпорусые, борода черная, клиномъ, верхій зубъ вышибленъ, на лѣвомъ вискѣ бѣлое пятно, на обѣихъ сторонахъ груди черныя пятна отъ болѣзни, именуемой въ народѣ «черной немочью». Глаза у Пугачева острые, пронцательные, взоръ страховитый—черты, за которыя народъ и прозвалъ Пугачева «Пугачемъ». Въ другихъ мѣстахъ показанныя очевидцами примѣты Пугачева оказались тождественными съ записанными и въ такомъ видѣ появились въ трудахъ Пушкина.

Вотъ еще одинъ эпизодъ. Пугачевъ былъ женатъ; жена его, Софья Дмитриева, съ дѣтми содержалась въ острогѣ въ г. Казани. Пугачевъ же, бывши въ Яицкомъ городѣ, вторично женился на дѣвкѣ Устиши Кузнецовой, которую и привезъ съ собой въ слободу. Попу было приказано поминать на эктвнiяхъ, послѣ государя Петра Θεодоровича, государыню Устишью; но попу воспротивился, говоря, что на это онъ не имѣеть синодскаго указа, и продолжалъ поминать государыню Екатерину Алексѣевну.

Говорили Пушкину о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки и гривны, которыми *Пугачъ* обстрѣливалъ городъ вмѣсто картечи, и о такъ называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ.

За пѣсни молодые казаки и за разсказы старики и старухи были награждаемы Пушкинымъ «по царски»: за каждую пѣсню или отдѣльный эпизодъ онъ платилъ червонецъ, иныхъ угощалъ виномъ, сядя съ собою за столъ. Это обстоятельство, по отъѣздѣ Пушкина изъ Вердскаго поселка, вызвало въ обывателяхъ его глубокое сомнѣнiе въ личности страннаго гостя, и они, собравши сходъ, смастерили такое допесенiе на имя начальника края Перовскаго:

« былъ у насъ неизвѣстнаго званiя человекъ, со товарищи, средняго роста, лицомъ смугль, волосомъ черель и курчавъ, на пальцахъ за мѣсто ногтей котти, *подбивалъ подъ Пугачевщину и дарилъ золотомъ; долженъ быть Антихристъ, потому вмѣсто ногтей на пальцахъ котти*».

Во дворцѣ В. А. Перовскаго (тогда еще не графа) отъѣзжающему поэту данъ былъ прощальный обѣдъ, на который былъ приглашенъ

цвѣтъ Оренбургскаго общества. Гвоздемъ застольной бесѣды были, разумѣется, труды Пушкина, эпизоды изъ Пугачевской эпохи и пожеланія видѣть скорѣе въ печати исторію самозванца. Тутъ-то и показала Перовскій Пушкину забавное допесеніе о немъ Бердскихъ мудрецовъ, вызвавшее неудержимый смѣхъ присутствующихъ и взрывы остроты. Выходило, что историкъ Пугачева, на взглядъ парода, былъ никто иной, какъ другой Пугачевъ.

Спустя почти мѣсяць послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга, В. А. Перовскій, получилъ секретное письмо отъ Нижегородскаго военного губернатора Вутурлина, рисующее положеніе, въ какомъ находился тогда нашъ пѣвецъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ» *). Вотъ это письмо:

«Санктпетербургскій оберъ-полиціймейстеръ, отъ 20-го мннувшаго Сентября, за № 264, увѣдомилъ меня, что по *высочайше* утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, объявленному предмѣстнику его предписаніемъ г-на С.-Петербургскаго военного губернатора, отъ 19 Августа 1828 г., за № 211, были учреждены въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ *извѣстнаго поэта, титулярнаго совѣтника Пушкина*, который 14 Сентября выѣхалъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи. Извѣстася, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправиться изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, долгомъ считаю о вышеизложенномъ извѣстить ваше превосходительство, покорнѣйше прося, въ случаѣ прибытія его въ Оренбургскую губернію, учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи надъ нимъ, во время пребыванія его въ оной, секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и поведеніемъ его».

Письмо это въ Оренбургъ прибыло только 23-го Октябрю, и въ тотъ же день В. А. Перовскій положилъ на немъ такую резолюцію: «Отвѣчать, что сіе отношеніе получено чрезъ мѣсяць по отбытіи г-на Пушкина отсюда (*sic!*), а потому, хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургъ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрять, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другого предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій».

Обазывается, что Пушкину недоброжелатели его не давали покоя и въ то время, когда онъ состоялъ исторіографомъ Россійскимъ и пользовался милостіями у самого императора Николая Павловича.

*) „Дѣло объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтомъ (*sic!*), тит. совѣт. Александръ Пушкинъ“, въ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генераль-губернатора, находится нынѣ въ архивѣ Высочайше учрежденной Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (по описи № 78, 1838 г.). Поставленные здѣсь курсивомъ строчки въ письмѣ подчеркнуты. (Дѣло это нигдѣ не опубликовано).

Въ то время, какъ было получено приведенное выше письмо, Пушкинъ былъ уже на Волгѣ; изъ Оренбурга напутствуемый пожеланіями любезнаго и просвѣщеннаго хозяина, онъ выѣхалъ 20 Сентября на Уральскъ, осматривать стаповища Пугачева и слушать разсказы о немъ.

О пребываніи Пушкина въ Оренбургъ и въ казачьихъ станицахъ помнятъ еще нѣкоторые изъ Оренбургскихъ старожиловъ, какъ, напр. отставной генераль-маіоръ П. В. Черновъ, сообщившій, что Пушкинъ, будучи въ Оренбургѣ, посѣтилъ уѣздное и другія училища и задавалъ ученикамъ вопросы, и старушка-казачка Блинова, переселившаяся недавно изъ Бердскаго поселка на постоянное житіе въ Оренбургскую станицу (форштадтъ). Разсказъ Блиновой весьма правдоподобенъ. Постараемся передать его возможно дословно. «Тогда мнѣ было лѣтъ пятнадцать, или что-то около этого; жила я съ родительницей на Бердахъ. Теперь Берды отъ Оренбурга рукой подать, поди трехъ верстъ нѣтъ, а тогда идешь, идешь—взапрѣшь... Ну, хорошо! Вышла я это изъ избы, а по дорогѣ четверо господъ идутъ; въ серединѣ одинъ чудной такой, курчавый, все руками размахиваетъ, а на пальцахъ у него длинныя такія ногти, на манеръ ногтей. Господинъ этотъ что-то разсказываетъ, а остальные смѣются. Подошли къ Сакмарѣ; черный господинъ шляпу снялъ и что-то мальчишкамъ началъ бросать. Только я и видѣла, да впрямь и интереса не было: думала, такъ себѣ, погулять господа прѣѣхали... Апаслѣ слыхала, что это Пушкинъ какой-то. Еще у казака онъ Бердскаго рубаху изъ желѣзной проволоки ¹⁾, что тотъ при бороновкѣ изъ земли весной выкопалъ, кушилъ, два золотыхъ, сказывали, даль... чудной человекъ какой-то былъ, Богъ съ нимъ!»

Любопытно письмо одной молодой Москвички, проживавшей въ Оренбургѣ въ 1833 году, о той старухѣ-казачкѣ ²⁾, которую разспрашивалъ Пушкинъ и которую такъ напугалъ червонецъ:

«Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собою бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. П. сказалъ ей, что мы къ ней прѣѣхали, такъ какъ слы-

¹⁾ И до настоящаго времени казаки находятъ въ землѣ кольчуги съ инициалами „П. П.“. Одна изъ нихъ хранится въ музей Оренбургской Ученой Архивной Комисіи.

²⁾ По нѣкоторымъ даннымъ, возможно предполагать, что старушка эта состояла съ Пугачевымъ въ любовной связи.

шали, что она помпнть Пугачева. «Да, батюшка», отвѣчала она, проворно слѣзая съ печки и низко кланяясь, «нечего грѣха тапть, моя вина». — «Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева?» — «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ быть плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ, пемного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему, вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положить платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его свералы, одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ, другой—серебряный мечъ; супротивъ висѣльца, а около мы на колѣняхъ присягаемъ; присягаемъ, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а между тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый быть барнигъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единого,—куда и страхъ дѣвался. Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее, да ея брата, барина молодого, Пугачевъ, взявъ къ себѣ, съ мѣсяць держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которыхъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ; такъ ужъ онъ ихъ упроеилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь; что жъ бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно ихъ не до смерти убили; такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли».

«Много еще она намъ рассказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагринула шайка Пугачева, попрытали въ сусѣбы, просомъ засыпали... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда рассказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева: онъ жилъ тамъ въ мирное время; отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ, къ своей «барышѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала она намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала, со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы спрашиваете меня о Пугачевѣ? Онамедни тоже приѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ рассказывать; а другія бабы пришли, да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову; вѣдь это Аптихристъ». Мы старались ее разувѣрить. «Да и я

думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю; такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Опъ же, дай Богъ ему здоровья, награждать меня за рассказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артюковъ: ужъ опъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня папугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня разспрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ опъ мнѣ патреть: красавица такая написана. «Вотъ,—говорить,—она станетъ твоя пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и напшулись. Кто говоритъ, что его подослалъ, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихристъ! Видѣла, когти-го у него какія? Да и въ Писаніи сказано, что Антихристъ будетъ любить старухъ, заставляя ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ, къ пачальству. «Такъ и такъ, говорю: смилуйтесь, защитите, коли я чего напдела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются. «Не бойся»,—говорятъ,—«это ему самъ Государь позволилъ о Пугачѣ вездѣ разспрашивать». Ну ужъ я и успокоилась, ничего не стала слушать».

Н. Г. Ивановъ.

В. П. ГОРЛЕНКО. Украинскія были. Описанія и замѣтки. Кіевъ, 1899. Мал. 8-ка. 168 стр. Цѣна 1 р. Продается въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина и Суворина.

Попробуйте опросить вашихъ знакомыхъ о томъ, кто была урожденная ихъ бабушка, и вы натолкнетесь на любопытное явленіе: большинство не сумѣетъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Но тогда какъ знакомые попроще прізнаются въ своемъ незнаніи какъ бы съ нѣкимъ смущеніемъ, люди, повидимому, весьма образованные и какъ говорятъ, *интеллигентные*, пожалуй, даже подымутъ васъ на смѣхъ. А между тѣмъ истинное просвѣщеніе несомнѣнно состоитъ въ сознательномъ и разумномъ отношеніи къ окружающему, въ пониманіи прошлаго; ибо для того, чтобы знать намъ куда идти, надо твердо знать, откуда и какъ мы пришли. Такое пониманіе у насъ весьма рѣдко встрѣчается, и знаніемъ минувшей жизни мы не можемъ похвастать.

Пройдитесь по нашимъ выставкамъ исторической живописи, и вы будете удивлены: изъ всего разнообразія событій, которыя порой такъ странно сплстаются, что дѣлаютъ Русскую исторію похожею на какую-то сказку, изъ яркихъ, ожесточенно-живыхъ элементовъ стоязычной толпы, своеобразно образовавшей народъ Русскій, что берутъ для изображенія наши художники? Или сценки, для поясненія коихъ надо писать пространныя объясненія, или условныя, скучныя изображенія, явно свидѣтельствующія о совершенномъ непропикновеніи художника въ смыслъ событія.